

Введение

ЛЮДОЕД, КТО ЖЕ ОН ТАКОЙ?

*[...] Как хлеб грызет голодный, стервенея,
Так верхний зубы нижнему вонзал
Туда, где мозг смыкаются и шея [...]*

Данте, Ад, XXXII, 127–129

Всем знакомо «мерзостное брашно» дантовского графа Уголино, жестокое воспоминание холодящего душу момента, в который Башня Гвиланди превратилась в Башню Голодную, когда «злей, чем горе, голод был недугом» (Ад, XXXIII, 75)¹. Согласно легенде, заточенный, без еды, вместе с сыновьями и внуками, видя, как его близкие увядают, граф поддался мукам голода и истребил их.

Интерпретация этих строф «Божественной комедии» всегда вызывала сомнения и замешательство: развязка истории не казалась однозначной еще современникам, и комментаторы разделялись. Кто-то, как Якомо делла Лана, считал Уголино отцом-людоедом, а кто-то, как Кристофоро Ландино на век позже, расшифровывал слова Данте в более положительном ключе, считая, что аллюзия на людоедство недопустима².

¹ Dante. *Commedia. Inferno*. XXXIII, 75.

² Iacomo della Lana. *Commento alla «Commedia»*. 4 Voll. / Ed. M. Volpi. Roma, 2009. Vol. I, *Inferno*, canto XXXIII, v. 75, p. 899; C. Landino. *Comento sopra la Comedia*. 3 Voll. / Ed. / Ed. P. Procaccioli. Roma, 2001. Vol. II. P. 1002.

В то время как XXXIII песнь «Ада» оказала влияние на представления об антропофагии, которые мы разделяем и сейчас, сложно сказать то же самое о множественных упоминаниях каннибализма в средневековой литературе. Наряду с большим интересом, которого удостоивается история тела в последнее время, начиная с работ Жака Ле Гоффа и Жан-Клода Шмитта, лишь совсем небольшая часть научной литературы концентрируется на самой жестокой (или милосердной) форме танатопрактики известной нам: поглощении человеческой плоти³.

Подобная лакуна не связана с недостатком отсылок в средневековой литературе, совсем наоборот, литература того времени переполнена банкетам каннибалов: людоеды попадают в самых неожиданных произведениях, подмигивают со страниц бестиариев и кодексов о монстрах, населяют литературные манускрипты и хроники, проникая в самые непредсказуемые источники. И все же, когда случается наткнуться на поглотителей людей, к ним редко относятся с должным вниманием и еще реже удостоивают научным взглядом: их злодеяния интригуют, о них читают, их документируют, ими интересуются, но не более.

Антропофаги в современной историографии, остаются в относительной тени, безвозвратно заключенные в анекдотичной тюрьме, стены которой сооружены из мрачных

³ Касательно роста интереса к области изучения истории тела, начиная с последнего десятилетия прошлого века большое влияние оказали исследования Жака Ле Гоффа и Жан-Клода Шмитта: Schmitt J.-Cl. *Corps et âmes // Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval / Dir. J. Le Goff e J.-Cl. Schmitt. Paris, 1999 / Ed. ; Id, Les revenants. Les vivants et les morts dans la société médiévale. Paris, 1994; Id, Le corps des fantômes // I discorsi dei corpi. Micrologus. Vol. 1. 1993. P. 19–25; Le Goff J., Truong N. Une histoire du corps au Moyen Âge. Paris, 2003.*

и курьезных новостей, из *horribile dictu*, из более или менее назидательных эпизодов⁴.

Возможно, в этом виноват сам характер тех упоминаний, которыми усеяны средневековые источники. Или то, что эпизодичные теоретические взыскания, их сопровождающие, приводили к тому, что страдала сама терминология, обозначающая феномен. Термин «каннибализм» происходит от имени, данного жителями Багамских островов и Кубы коренному населению Малых Антильских островов, жестоким Карибам⁵, которых считали людоедами. Лемма «антропофагия» являлась рядовым термином в классической античности (например, в Аристотеле и Плинии), но исчезает на макроскопическом уровне в латинских и вернакулярных текстах, где появляется за редкими исключениями только как транскрипция или перевод с греческого. В этой работе мы предпочли дистанцироваться от античного термина, чтобы подчеркнуть, что категория «антропофаг» относится к нашей

⁴ О каннибализме в Средневековье, в 2003 году следующая статья представила тему в общих чертах: M.L. Price, *Consuming Passions. The Uses of Cannibalism in Late Medieval and Early Modern Europe*, New York-London, Routledge, 2003. До этого исследования в других областях поставили вопрос об упоминании антропофагии в Средние века, среди первых А. Pagden, *Cannibalismo e conta-gio: sull'importanza dell'antropofagia nell'Europa preindustriale*, в «Quaderni storici», XVII, 1982, n. 50, pp. 533–550. Недавно многие авторы посвятили свои работы темам каннибализма, среди них Н. Blurton, *Cannibalism in High Medieval English Literature*, New York-Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007; А.А. Montanari, *Mangiare il nemico. Pratiche e discorsi di antropofagia nelle città italiane del tardo Medioevo*, в «BISIME», 111, 2009, pp. 253–274. Множество других исследований, касающихся разных аспектов антропофагии, необходимых для развития повествования, будут указаны в связи с трактуемыми темами.

⁵ Cfr. А.А. Montanari, il termine «Antropofagia» e il termine «Corpo», в *Medioevo (Le Garzantine)* / Ed. Cantarella G.M., Milano, Garzanti, 2007, pp. 97–98 e 428–431.

системе понятий, а не к исследуемому периоду⁶. Слово «антропофагия» и производные от него будут описывать «поедание людей» в буквальном смысле, а «каннибализм» — акт потребления существ своего вида⁷.

Поглотителей людской плоти изображают многогранно и многоцветно. Их рисуют орками, оборотнями, расами монстров с далеких краев земли, апокалипсическими народами, злыми ведьмами и враждебными сектами, что плетут заговоры против христиан. Но средневековые каннибалы — это не только орки и злобные сказочные существа: это те же праведные христиане, рыцари и короли, юные девицы, горожане и больные. Прохожий, отшельник, дитя, воитель: все они — возможные жертвы, все — возможные палачи.

Перед таким богатством упоминаний спонтанно встает вопрос о конкретных практиках: исповедовался ли канниба-

⁶ В области антропологии разные оттенки значения были предложены для того, чтобы отличить два термина, но достигнуть единогласия это не помогло. Некоторые антропологи, например, считают более корректным применение термина «каннибализм» при потреблении человеческой плоти в ритуальных целях и термина «антропофагия» при потреблении человеческой плоти из необходимости (См.: A. Favole, *Resti di umanità. Vita sociale del corpo dopo la morte*, Roma-Bari, Laterza, 2003, p. 53).

⁷ Похожее различие в средневековой номенклатуре касается и термина «ритуальный»: средневековая латынь использовала термин *ritus* по отношению к литургическим практикам (давая термину довольно узкое определение), в то время как идея о «ритуальном» принадлежит периоду Чинквеченто. В ходе повествования мы посчитали необходимым различать при употреблении словосочетания «ритуальная антропофагия» практики каннибализма, связанные с символической сферой политической и социальной коммуникации и влияющие на социальные связи внутри сплоченной *communitas*, и каннибализм, обусловленный пищевыми потребностями. О ритуале см.: J.-C. Schmitt, *Rites*, in *Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval*, cit., pp. 969–1003; P. Buc, *The Dangers of Ritual. Between Early Medieval Texts and Social Scientific Theory*, Princeton (N.J.)-Oxford, Princeton University Press, 2001, pp. 152–322.

лизм в Средневековье на самом деле, или речь идет о фантастических рассказах?

Следует признать: и наши предки были склонны, при определенных условиях, к потреблению человеческой плоти, хоть антропофагия и не была распространенной и систематической практикой. Обычаи, которые мы склонны присваивать далеким культурам, нравы, которые нам тяжело понять и которые вызывают у нас отвращение, отчасти свойственны и нам.

Не всегда легко или возможно определить достоверность дошедших до нас эпизодов из средневековых источников, где граница между реальностью и воображением непрочно и хроника неразличимо смешивается с фантазией. С другой стороны, исследование фантастического воображения, что донесло до нас отголоски антропофагии (и ее социальные последствия), в той же степени интересно, что и реконструкция ее хроник в свойственной им динамике, которая позволяет нам взглянуть на глубинные страхи и надежды, что связывают человека со смертью. Поиск далеких корней мы начнем с первых веков христианства и завершим на пороге Нового времени, оставаясь на западной и франко-норманнской территории (обычаи прочих народов будут приняты во внимание в том отношении, в котором они повлияли на наше восприятие).

Остается лишь вопрос, что делать с «табу», которое по определению избегает когнитивных процессов, оставаясь в области бессознательного и того, о чем не говорят; в какой степени каннибализм вызывал осуждение и страх; и насколько возможно примирить запрет со следами практики, что появляется в свидетельствах.

На непосредственные вопросы источники не дают настолько же непосредственные ответы. Чтобы воссоздать общую картину, следует обзавестись целой серией документов, на которые необходимо взглянуть сквозь многочисленные

измерения: средневекового каннибала нужно разоблачить со всех фронтов и используя все доступные нам средства. Мы устроим охоту на страницах хроник и дорожных воспоминаний, а также прошерстим нормативные и судебные, этнографические и картографические источники, медицинские и фармакологические трактаты, богословские и агиографические тексты, сборники *exempla*, изображения и художественные повествования. В итоге мы покажем, что за этим, казалось бы, бессвязным и многогранным исследованием существует прочная система понятий, которая в состоянии соединить в себе самые разнообразные свидетельства.

На этом мы готовы к охоте: как говорил Марк Блок, «хороший историк — он как сказочный людоед. Он знает, что, где пахнет человеческой плотью, там его жертва».

Глава 1

МУКИ ГОЛОДА

1. Голод

Голод, чума, набеги и войны обременяют беспомощный средневековый народ, недоедание нависло словно злой дух над малонаселенным континентом, уставшим от конфликтов и междоусобиц, пересеченным неконтролируемыми войсками, измученным бандами яростных мародеров, одуревшим от повседневной непредсказуемости: описания неурожая на языке средневековых текстов могут быть очень драматичными, и, возможно, их тяжесть должна быть переоценена⁸. Чтобы оценить настоящее влияние этих критических периодов на население, необходимо собрать некоторые данные.

Известно, что начиная с III века для средневековой Европы наступает тяжелый экономический период. Кризис ожесточился в IV и V веках; в некоторых регионах, например в Италии, он достиг апогея в XVI веке, параллельно с конфликтами, изнуряющими полуостров. Периоды тяжелой нищеты чередовались с периодами относительного благоденствия, и населению приходилось веками мириться с вновь и вновь повторяющимися ситуациями продовольственных бедствий. В последующий период нестабильность ресурсов никуда не исчезла. В собрании

⁸ См.: M. Montanari. *La fame e l'abbondanza. Storia dell'alimentazione in Europa*. Roma-Bari, Laterza, 2003. P. 8. Красивую, пусть и местами преувеличенную картину можно найти в работе: Camporesi P. *Il pane selvaggio*. Milano, 2004.

Фрица Куршманна — корпус текстов, касающихся неурожаев, опубликованный в 1900 году — между 700 и 1100 годами упомянуты 64 неурожая: 7 в VII веке, 27 в IX, 11 в X и 23 в XI, в среднем один неурожай каждые шесть или семь лет; периоды наиболее тяжелых бедствий распределены по большим циклам (792-793-794, 805-806-807, 820-821-822 и т. д.)⁹.

Конечно, следовало бы не терять из виду в этой статистике существенную разницу между кризисами локального характера и тяжкими неурожаями на больших территориях, но работа с рукописными свидетельствами редко позволяет увидеть подлинный размах бедствий. С наступлением голодных периодов чувство брезгливости притупляется, граница между *mundus* (рус. «чистый, допустимый») и *immundus* (рус. «грязный, мерзкий») стирается, и проявления пищевого поведения, которых в иной ситуации мы могли бы погнушаться, становятся обычными. Так в рационе людей начинают появляться *immunda animalia* (рус. «грязные животные»), например рептилии и грызуны. Наконец, несмотря на более или менее высказанные запреты, когда все другие источники продовольствия исчезают, становится ясно, что существуют особые методы временного утоления чувства голода. Достаточно обратиться к соседу, другу, родственнику или ребенку, что бродит в одиночестве по улице в поиске каких-нибудь съедобных отбросов. Помимо уважения, чувств, священности тела и бессмертия души в нем заключенной, мы состоим из плоти, и плоть съедобна. Упоминания каннибализма в исторических хрониках (отбор, представленный здесь, не

⁹ Curschmann F. Hungersnöte im Mittelalter. Leipzig, B.G. Teubner, 1900 (далее: CUR). Этот сборник использован Пьером Бонасси: Bonnassie P. Consommation d'aliments immondes et cannibalisme de survie dans l'Occident du haut Moyen Âge // Annales E.S.C. Vol. 44. 1989. P. 1043. О контекстах средневековых кризисов см.: Wickham C. The Inheritance of Rome. A History of Europe from 400 to 1000. New York, Viking, 2009; в частности о ситуации в Id., Early Medieval Italy. Central Power and Local Society (400–1000). London, Macmillan, 1981.

претендует на исчерпывающий характер) соответствуют периодам неурожая и территориям, пострадавшим от него.

Пройдемся по некоторым показательным историческим свидетельствам в хронологическом порядке.

2. Слово хрониста

Еще Евсевий Кесарийский, описывая голод времен Максимиана Дазы, намекает на риск возможной антропофагии: «выжившие начали убивать собак, боясь подцепить бешенство и стать людоедами»¹⁰. Более конкретные свидетельства людоедства собраны Идацием, епископом *Aquae Flaviae* (современный порт Шавиш в Португалии), на фоне ужасающих последствий вторжения вандалов, аланов и свевов в 409 году на Иберийский полуостров (те же происшествия будут снова упомянуты Исидором Севильским и в хронике Псевдо-Фредегара, собранной в Галлии в первой половине VII века)¹¹.

Речь идет о тяжелых временах не только для Испании: с 408 по 410 год Рим находился под постоянной осадой и, наконец, был разграблен Аларихом: «Город, что захватил весь мир, был захвачен», пишет в одном из писем Иероним¹².

¹⁰ Eusebii Caesariensis Kirchengeschichte / Ed. E. Schwartz, Leipzig, Hinrichs, 1908.

¹¹ The Chronicle of Hydatius and the Consularia Constantinopolitana. Two Contemporary Accounts of the Final Years of the Roman Empire / Ed. R.W. Burgess, Oxford, Clarendon Press, 1993, p. 82; Isidori, Historia Wandalorum / Ed. T. Mommsen, München, Berolini, 1981 (MGH, AA, XI), p. 295; Chronicarum quae dicuntur Fredegarii scholastici libri IV cum Continuationibus / Ed. B. Krusch, Hanoverae, Impensis Bibliopolii Hahniani, 1888 (MGH, SRM II), libro II, cap. L, p. 71.

¹² Hieronymi, Epistularum pars III, Epistulae CXXI-CLIV / Ed. I. Hilberg, Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2013 (CSEL, LVI/1), эпистола 127, p. 154.

К этим событиям относится ряд упоминаний о поедании человеческого мяса в осажденном Городе, указанные в V веке в «Совещании Закхея христианина и Аполлония философа» (лат. *Consultationes Zacchei christiani et Apollonii philosophi*) и в письмах Иеронима. Горожане, принужденные голодом к «мерзостной пище», будто бы «разрывали друг друга на части, член за членом»¹³ (риск проявления подобных эпизодов подозревает Созомено и после, около 500 года, Зосима¹⁴).

Уже в 551 Прокопий Кесарийский включает антропофагию в свою альтернативную реконструкцию взятия Вечного Города, чьему падению будто бы содействовала матрона по имени Проба: «сжалившись глядя на то, как римляне умирают от голода и нужды, вплоть до того, что начинают поедать друг друга [...] она приказала слугам открыть ворота в ночи»¹⁵.

¹³ *Ibidem*.

¹⁴ *Ibidem*; Questions d'un païen à un chrétien. *Consultationes Zacchei christiani et Apollonii philosophi*. Voll. 2 / Ed. Feiertag J.-L., W. Steinmann, Paris, Les Éditions du Cerf, 1994 (SC, 401), libro III, cap. VIII, 9–19, p. 221; Sozomeni. *Histoire Ecclésiastique*. Livres VII–IX. Paris, Les Éditions du Cerf, 2008, libro IX, cap. VIII, 8. PP. 418–419; Zosimo. *Storia nuova* / Ed. F. Conca, Milano, BUR, 2007, libro V, cap. XL, 1. PP. 588–589. Cfr. *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire*, Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus, Voll. 2 / Ed. R.C. Blockley, Liverpool, F. Cairns, 1983, Vol. II, p. 159; Philostorgii. *Histoire Ecclésiastique*. Paris, Les Éditions du Cerf, 2013 (SC, 564), libro XII, cap. III. PP. 536–537. Свидетельства эпохи поздней Античности о голоде анализированы Винсентом Ванденбергом в «Fames facta est ut homo hominem comederet»: l'Occident médiéval face au cannibalisme de survie (V^e–XIe siècle // «Revue Belge de Philologie et d'Histoire», LXXXVI, 2008, n. 2. PP. 217–272; См. также: U. Roberto. Il giudizio della storiografia orientale sul sacco di Roma e la crisi d'Occidente: il caso di Olimpiodoro di Tebe // Roma e il sacco del 410. Realtà, interpretazione, mito / Ed. A. Di Berardino, G. Pilara e L. Spera, Atti della giornata di studio, Roma, 6 dicembre 2010, Roma, Institutum Patristicum Augustinianum, 2012. PP. 59–79.

¹⁵ Procopii Caesariensis Opera omnia. Voll. 3 / Ed. J. Haury, Leipzig, B.G. Teubner, 1905–1913 (rist. / Ed. G. Wirth, 4 Voll., 1962–1964).

Тот же автор предлагает нам трагическое описание тяжелых лет готских войн. Во время неурожая 538 года, рассказывает Прокопий, вид голодавших не позволял назвать их жалкое существование даже подобием жизни: исхудалые и бледные, с желтушной кожей, потому как «плоть без пищи [...] питается самой собой» и желчь «покрывает их немного своим цветом». С «развитием недуга» синюшный тон переходил в черный пигмент, превращая их в «деревянные факелы, совершенно поглощенные огнем».

Все телесные жидкости исчезали, кожа натягивалась на кости словно на барабане, обозначались очертания скелета, лики умирающих казались «остолбенелыми», а глаза вытаращенными. Одни бросались на любые дикие травы и теряли жизнь в попытке вырвать их из земли; другие, истощенные и изнуренные, увядали от недоедания. Те, кто чудесным образом сохраняли искру жизненной энергии, если им удавалось поесть, умирали от жутких болей в животе, доведенные до изнеможения мучительным голоданием и уже неспособные переварить нормальное количество еды. Борьба за выживание толкала к гнусному каннибализму: «некоторые, принужденные голодом, доходили до того, что питались людской плотью»¹⁶. Случаи антропофагии в тот же год упомянуты в Лигурии в «Жизнеописании» папы Сильверия; и снова Прокопий рассказывает о 546 годе: «в это время римляне, осажденные в Пьяченце, совершенно лишены припасов, принужденные муками голода, начинали искать пищу способами совершенно неестественными, вплоть до того, что поглощали друг друга»¹⁷.

¹⁶ *Ibidem*. La guerra gotica. libro VI, cap. II, 20. PP. 495–496.

¹⁷ *Ibidem*, libro VII, cap. III, 16. P. 575; Le «Liber Pontificalis», 2 Voll. / Ed. Duchesne L. Paris, De Boccard E., 1955, Vol. I, LX (Silverius 536–537. PP. 290–296), p. 291. Эпизоды антропофагии будут еще упомянуты в XV веке у Маттео Пальмиери (Liber de Temporibus [aa. 1–1448] / Ed. Scaramella G. Città di Castello, Coi tipi della casa editrice Lapi S., 1906–1915 [RIS XXVI], 11–12, p. 56).

В «Анналах Ульстера» в 700 году передают новость о распространении на ирландской территории тяжелой эпидемии, ожесточенной вследствие острого голода, продолжавшегося три года, вплоть до того, что «человек ел человека»¹⁸. Упоминания случаев каннибализма в периоды неурожая продолжаются и в последующих веках: одну историю с хорошим концом передают нам «Фульдские анналы» (касательно 750 года), в то время как 4 источника, согласно обзору Куршманна, рассказывают о неурожае 793 года, только лишь «Мозельские анналы» приводят случаи антропофагии (в то время как ни один подобный эпизод не упоминается более важными историографами, такими как Эйнхард)¹⁹. Эпизоды, касающиеся неурожая 868 года, документированы лучше: они появляются в «Анналах Святой Колумбы из Санса», где рассказывается о голоде на всей франкской территории, с острыми вспышками в Бургундии и Аквитании; в «Ангилемских анналах» говорится о более широких территориях; в «Ксантенских Анналах» неурожай поражает «многие провинции», среди которых Бургундия и Галлия²⁰. В 896 году «Анналы Райхенау» сообщают, что в одном городе «христиане ели плоть других»²¹.

¹⁸ The Annals of Ulster (to A.D. 1131) / Ed. S. Mac Airt e G. Mac Nio-cail, Dublin, Dublin Institute for Advanced Studies, 1983. P. 158.

¹⁹ Annales Fuldenses / Ed. Kurze F. Hannover, 1891 (MGH, Script. rer. germ. in usum schol., VII). PP. 40–41 (CUR, p. 96); Annales Mosellani (703–797) / Ed. Lappenberg J.M., Hanover, 1859 (MGH, SS, XVI. PP. 494–499), p. 498 (CUR, p. 91).

²⁰ Annales Sanctae Columbae Senonensis (708–1218) / Ed. Pertz G.H., Hanover, 1826 (MGH, SS, 1), p. 103 (CUR, p. 98); Annales Engolismenses (815–991) / Ed. Pertz G.H., Hannover, Hiersemann A., 1994 (MGH, SS, 16), p. 486 (CUR, P. 98); Annales Xantenses / Ed. von Simson B., Hanover, 1909 (MGH, SS rer. Germ. 12), 1909, p. 26 (CUR, p. 99).

²¹ Annales Augienses (709–954) / Ed. Pertz G.H. Hannover, 1826. S. 68 (MGH SS. Bd. I). В тот же год (896) случаи каннибализма упоминаются в Gesta della Chiesa di Senones (город, находящийся в департаменте Вогезы, в Лотарингии), составленные монахом Рихером († ок. 1266–1267). Richeri. Gesta ecclesiae Senoniensis / Ed. Waitz G. Hannover, 1880. S. 273 (MGH, SS, 25).